

Н. Г. СУХОВА

А. Ф. МИДДЕНДОРФ В АКАДЕМИИ НАУК

Зоолог и путешественник Александр Федорович Миддендорф (1815–1894) прожил долгую, насыщенную разнообразными событиями жизнь. Среди этих событий особое значение для его судьбы имела экспедиция в Восточную Сибирь. Исследования во время этой экспедиции существенно обогатили разные отделы зоологии, географии, этнографии. Миддендорф положил начало российской малакозоологии, стоял у истоков науки о вечной мерзлоте, содействовал значительному изменению карты Таймырского полуострова, первым описал пространство между Становым хребтом и рекой Амур, ему принадлежали первые обобщающие исследования по зоологической и ботанической географии Сибири, он собрал огромный фактический материал о ее народах.

Благодаря участию в Сибирской экспедиции Миддендорф стал действительным членом Петербургской академии наук. С Академией были тесно связаны 20 лет его жизни. Хотя очерки о жизни Миддендорфа имеются во многих биографических словарях, а сведения о деятельности Миддендорфа в Академии наук содержатся в книге о нем, опубликованной Н. И. Леоновым (М., 1867), вновь обнаруженные архивные и литературные материалы позволяют дополнить биографию Миддендорфа и вместе с тем несколько расширить представления о жизни Академии в 50–60-х гг. XIX столетия, которая пока еще плохо изучена.

* * *

24 сентября 1841 г.¹ в Общем собрании Академии наук академик К. Бэр изложил план Сибирской экспедиции. Руководителем ее он предлагал назначить экстраординарного профессора зоологии Университета Св. Владимира в Киеве А. Ф. Миддендорфа. В 1840 г. Миддендорф сопровождал Бэра в путешествии по Лапландии (Кольскому полуострову), и Бэр высоко оценил его возможности как путешественника и ученого.

Сибирская экспедиция длилась с ноября 1842 г. по март 1845 г., причем исследования велись только в 1843–1844 гг., остальное время ушло на дорогу в Сибирь и обратно. Все эти годы Миддендорф имел временное «звание» путешественника Академии наук. «Звание» за ним сохранили и после возвращения в Петербург — на период подготовки к изданию материалов путешествия². Миддендорф вернулся из экспедиции 20 марта 1845 г., а уже 23 мая по инициативе Бэра Физико-математическое отделение Академии наук из-

¹ Все даты в работе приводятся по старому стилю.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 13. Д. 35. Л. 19–19 об.

брало Миддендорфа на освободившееся место адъюнкта по зоологии³. 2 августа этот выбор поддержало Общее собрание Академии⁴. В представлении Общему собранию (которое было составлено Бэром и подписано директором Зоологического музея Ф. Ф. Брандтом и непременным секретарем П. Н. Фусом) отмечалось, что Миддендорф «имел благоприятный случай не только показать на деле обширность и основательность своих познаний, но и собрать для будущих исследований богатый, почти неиссякаемый материал»⁵. Академики отметили, что Миддендорф еще не мог представить сочинений, в которых излагались бы результаты его Сибирской экспедиции, но о его возможностях свидетельствует статья по орнитологии Лапландии⁶, удостоившаяся одобрительных отзывов зоологов Академии (Бэра и Брандта).

А. Ф. Миддендорф

Став членом Петербургской академии наук, Миддендорф активно занялся обработкой зоологических коллекций и других материалов Сибирской экспедиции. Осенью 1845 г. он представил Физико-математическому отделению план четырехтомного труда о результатах своих исследований. Кроме того, Миддендорф собирался опубликовать атлас, включающий карты, составленные на основе маршрутных съемок, «этнографические портреты», рисунки одежды и обуви сибирских народов, а также изображения предметов естественной истории.

Коллеги высоко оценили этот план. В отчете Министерства народного просвещения за 1845 г. отмечалось: «По удостоверению академической комиссии, рассмотревшей в рукописи обширный план г. Миддендорфа, предполагаемое издание по важности своей станет наряду со знаменитыми творениями сего рода времен императрицы Екатерины II»⁷. В отчете того же министерства за следующий год сообщалось о том, что уже готовится к изданию первый выпуск труда Миддендорфа о Сибирской экспедиции, а также о том, что им-

³ Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Ч. 47. Отд. III. С. 56.

⁴ Во всех биографических очерках именно 2 августа указано как день избрания Миддендорфа адъюнктом. Но в послужных списках имеется и другая дата — 9 декабря 1845 г. В этот день избрание было высочайше одобрено императором Николаем I. Иногда (например, в списке, составленном в 1855 г.) указана только эта дата.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 13. Д. 35. Л. 27 об.

⁶ *Middendorff A. Th. Bericht über die ornitologischen Ergebniss der naturhistorische Reise nach Lappland während des Sommers 1840 // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. 1843. Bd. VIII. S. 187–258.*

⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Ч. 50. Отд. I. С. 84–85.

ператору «благоугодно было пожаловать» 10300 рублей серебром на издание атласа⁸. Инициатором «пожалования» было Физико-математическое отделение, тогда как расходы на издание самого труда взяла на себя Академия наук⁹.

Для обработки материалов экспедиции Миддендорф пригласил специалистов в разных областях науки. И уже в 1847 г. была опубликована вторая часть первого тома труда «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahren 1843 und 1844», включавшая данные по ботанике, обработанные Э. Р. Траутфеттером и Ф. И. Рупрехтом. В следующем году увидела свет первая часть этого тома, в которую вошли написанное Миддендорфом введение с изложением задач и истории экспедиции, инструкции, его статья о результатах геотермических наблюдений. Эта часть содержала также статьи К. Бэра о климате Таймырского края (Taimyrgland), Э. Ленца — о результатах магнитных наблюдений экспедиции, Г. П. Гельмерсена — о геологических наблюдениях, а также А. А. Кейзерлинга и немецких ученых Г. Р. Гёпперта и И. Мюллера — о разных видах окаменелостей, обнаруженных Миддендорфом.

В 1851 г. были опубликованы первая часть второго тома труда Миддендорфа, включавшая его описания коллекций моллюсков, ракообразных, насекомых, и первая часть третьего тома, в которую вошли материалы о якутском языке, собранные Миддендорфом и обработанные О. Н. Бётлингом. В 1853 г. увидела свет вторая часть третьего тома, содержащая сделанные Миддендорфом описания коллекций млекопитающих, птиц и амфибий.

Зоологические исследования Миддендорфа во второй половине 40-х и первой половине 50-х гг. были теснейшим образом связаны с деятельностью Зоологического музея. Миддендорф передал в музей большое количество «зоологических предметов» — млекопитающих, птиц, моллюсков, рыб, собранных во время Сибирской экспедиции. Материалы экспедиции дополнили также энтомологическую коллекцию, коллекции кишечнополостных и кольчатых червей¹⁰. Многие коллекции Миддендорф сам и обработал.

Приняв на себя заведование конхиологическим отделом (отделом раковин), за десять лет работы (1846–1855) он привел в порядок все хранившиеся там коллекции. Именно Миддендорф ввел в отделе (впервые в Зоологическом музее) стандартные этикетки. Этикетки изготавливались в типографии, имели одинаковые размеры, и на них, кроме латинского названия вида, в левом углу обозначалось место находки экземпляра, а в правом — год доставки и имя «доставившего предмет». Такими этикетками затем стали снабжать чучела всех зверей и птиц и прочие «предметы», сохранявшиеся в музее в сухом виде, и они существовали по крайней мере до 60-х гг. XIX в.¹¹.

Обрабатывая коллекции моллюсков, Миддендорф вел активный обмен

⁸ Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. 54. Отд. I. С. 104.

⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 262. Л. 154.

¹⁰ А. А. Штраух (ставший директором Зоологического музея после Ф. Ф. Брандта) писал: «После паукообразных хуже всего в нашем музее представлены черви». Но и эту коллекцию обогатил Миддендорф, добавив к ней 14 видов, среди которых — 9 новых (Зоологический музей Императорской Академии наук // Записки АН. 1890. Т. 61. Прил. № 3 [1889]. С. 254).

¹¹ Там же. С. 111; Штраух отметил, что коллекция раковин музея и в 80-х гг. сохраняла этикетки, составленные Миддендорфом (Там же. С. 113).

дублетами с различными музеями и частными лицами в России и за ее пределами, что позволило значительно обогатить коллекцию Зоологического музея. Результат своих исследований Миддендорф описал в многочисленных работах, и «...лишь с того времени коллекции [моллюсков] приобрели научное значение, существенно увеличенное еще оригинальными экземплярами и многочисленными новыми видами, установленными Миддендорфом»¹².

Созданный в 1832 г. Зоологический музей Академии наук имел в своей основе коллекции Кунсткамеры, которые очень плохо сохранились. Между тем для пополнения экспозиции музея Академия выделяла весьма скудные средства. Музей мог обогащать свои коллекции в основном за счет подарков или обмена дублетами с разными музеями России и Европы. Экспедиции с естественно-историческими целями Академия отправляла редко, и только с 1841 г. по инициативе создателя и директора музея Ф. Ф. Брандта Конференция Академии наук постановила, чтобы «все предметы, собранные академическими путешественниками, безусловно поступали в академические коллекции»¹³. Миддендорф не только значительно обогатил коллекции Зоологического музея «предметами», собранными во время путешествия по Сибири, но и содействовал пополнению его коллекций благодаря организации обмена дублетами, а также за счет собственных охотничьих трофеев.

В конце 40–начале 50-х гг., наряду с подготовкой к изданию частей своего «Reise...», Миддендорф публиковал в журналах Академии наук и других изданиях отдельные статьи о результатах своих зоологических исследований. В заседаниях Физико-математического отделения он выступал с сообщениями о моллюсках, об «ублюдках зайцев», об ископаемом медведе, об иппологии (науке о лошадях). Миддендорф участвовал в обсуждении планов академических экспедиций, писал отзывы на работы «посторонних ученых», представленные на соискание Демидовских премий или для публикации в академических журналах.

Активное участие Миддендорфа в жизни Академии наук было оценено коллегами. 2 марта 1850 г. Общее собрание Академии наук на основе представления Физико-математического отделения достаточно единодушно (33 голоса — за и 1 — против) избрало Миддендорфа экстраординарным академиком. В представлении (которое составил Ф. Ф. Брандт, а подписали К. М. Бэр и Г. И. Гесс) отмечались заслуги Миддендорфа по подготовке к изданию труда о Сибирской экспедиции.

Сверх того, — писали академики, — он, независимо от большею частью оригинальных работ для описания своего путешествия в качестве зоолога Академии, обширнейшими и важными, уже изданными отдельно большими или меньшими диссертациями по части малакозоологии России или же назначенными для описания путешествия трудами о мягкотелых животных нашего отечества, снискал себе не только отличное место меж-

¹² Зоологический музей Императорской Академии наук // Записки АН. 1890. Т. 61. Прил. № 3 [1889]. С. 243.

¹³ Там же. С. 65.

ду малакозоологами и зоотомами, но еще мастерски обработал — отчасти на основании своих собственных начал — дотоле вовсе пренебреженный отдел животных Российской фауны, не упуская при этом случаев как к точному определению малакозоологической коллекции Академии, так и к обогащению ее новыми покупками. Наконец, мы обязаны ему еще в самом недавнем времени обширными и весьма основательными исследованиями о медведе, которыми он несомненно доказал как родовое тождество всех поныне еще водящихся в Европе и в северной и восточной Азии пород сего животного, так и различие их от ископаемого медведя ¹⁴.

Через два года (12 марта 1852 г.) Физико-математическое отделение предложило избрать Миддендорфа ординарным академиком. Так как к этому времени была уже опубликована часть его труда, которая включала отдел о моллюсках, Бэр — автор представления Общему собранию (которое было подписано также Ф. Ф. Брандтом и К. А. Мейером) — вновь наибольшее внимание уделил заслугам Миддендорфа в области малакозоологии, подчеркивая, что своим трудом он создал основы описания русской малакофауны и что особенно важен в этом труде критический анализ систематики моллюсков. Бэр отметил также значение исследований Миддендорфа об ископаемом медведе. (Обширный отзыв Бэра, насыщенный рассуждениями о зоологических проблемах, которыми занимался Миддендорф, интересен и с точки зрения взглядов самого Бэра.) В заключение Бэр подчеркнул, что основательность и истинно ученое направление этих работ «позволяют академикам считать, что нет более достойного кандидата на место второго академика по зоологии, тем более что своим путешествием он украсил летопись нашей Академии наук» ¹⁵. Миддендорф был избран ординарным академиком в Общем собрании Академии 1 мая 1852 г. Но если Физико-математическое отделение избрало его единогласно, то в Общем собрании при избрании он получил 5 черных шаров ¹⁶.

10 января 1855 г. скончался академик П. Н. Фус, почти 30 лет успешно выполнявший обязанности неперменного секретаря Академии наук ¹⁷. Временно эти обязанности возложили на академика В. Я. Буняковского. Но устав требовал избрания неперменного секретаря. Когда в Общем собрании (20 января) стали решать, на какой день назначить выборы, выяснилось, что в уставе 1836 г., по которому жила Академия, процедура избрания прописана не очень подробно. К тому же в 1841 г. в состав Академии наук вошло Отделение русского языка и словесности (второе отделение), о правах и обязанностях членов которого и не могла идти речь в уставе. В связи с этим возникли три вопроса: 1) могут ли избирать неперменного секретаря представители всех трех отделений, или только первого (Физико-математического) и третьего (Историко-филологического); 2) все ли академики могут баллотироваться

¹⁴ Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 2. Оп. 17. Д. 16. Л. 4–4 об.

¹⁵ Там же. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ П. Н. Фус стал неперменным секретарем в 1826 г.

в неперменные секретари, или только ординарные; 3) имеет ли право кандидат отказаться от баллотировки?

Общее собрание достаточно единодушно ответило на первый вопрос, решив, что неперменного секретаря следует избирать из представителей всех трех отделений. Однако при обсуждении двух других вопросов мнения разделились. Одни полагали, что неперменного секретаря следует избирать только из ординарных академиков, так как экстраординарные были приравнены в правах к адъюнктам; другие — что можно избирать и экстраординарных академиков; одни считали, что кандидат может отказаться от баллотировки, другие с этим мнением не соглашались.

Об этих разногласиях вице-президент Академии С. И. Давыдов сообщил министру народного просвещения А. С. Норову, отметив, что, по его мнению, следует избирать неперменного секретаря только из ординарных академиков, а отказаться кандидат может лишь после баллотировки, если выяснится, что два кандидата получили одинаковое количество голосов. С таким мнением Норов согласился.

Выборы были назначены на 3 февраля, но по инициативе министра народного просвещения неоднократно переносились. Причины переносов не всегда ясны. Отчасти это было связано с занятостью министра, отчасти — с событием чрезвычайным (18 января скончался Николай I)¹⁸. В день выборов, назначенный самим Норовым, он все же не смог приехать в Академию.

Избрание неперменного секретаря состоялось 7 апреля 1855 г. Оно проходило в два тура. Сначала на закрытых билетах каждый академик писал имена предлагаемых кандидатов, а затем голосовали белыми и черными шарами за тех, кто получил наибольшее число голосов. Когда открыли билеты, оказалось, что в неперменные секретари предлагали четырех академиков — В. Я. Буняковского, А. Ф. Миддендорфа, Э. Х. Ленца и Н. Г. Устрялова. При этом за первого было подано 14 голосов, за второго — 18, а за двух последних — по 1 голосу. Ленц и Устрялов тотчас отказались от баллотировки. После голосования шарами ситуация несколько изменилась. За Миддендорфа было подано 19 голосов, но Буняковский получил теперь 17. Против Миддендорфа голосовали 15 академиков, а против Буняковского — 17¹⁹. Так как кандидаты имели почти равные шансы, можно представить, что обстановка в Академии наук в этот день была весьма напряженной.

Задача выбора неперменного секретаря (третьего по значению лица в Академии наук) после П. Н. Фуса, которого все уважали и к которому привыкли, была, конечно, сложной. На личные симпатии и антипатии к кандидатам накладывались, так сказать, и политические мотивы. По воспоминаниям К. С. Веселовского, некоторые академики считали, что по традиции неперменный секретарь должен быть из математиков (Буняковский). Но другие

¹⁸ Выборы были перенесены на 17 февраля, но накануне оказалось, что Норов еще ясно не сообщил своего решения по этому поводу, и выборы отменили (ПФА РАН. Ф. 5 Оп. 1–1855. Д. 522. Л. 10). А 18 февраля скончался Николай I, и некоторое время все были озабочены проблемой траурной церемонии.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 5. Оп. 1–1855. Д. 522. Л. 24; РГИА. Ф. 735. Оп. 13. Д. 176. Л. 34.

академики, «отдавая полную справедливость благородству характера его, находили, что недостаток в нем самостоятельности и энергии при крайней скромности и уступчивости могло иметь неблагоприятное влияние на ход общего академического дела...»²⁰. Эти «другие» и выставили кандидатуру Миддендорфа (видимо, находя в нем необходимую энергию и самостоятельность).

Но сохранилась и иная точка зрения. А. В. Никитенко (член второго отделения, ставший академиком как раз в 1855 г.) писал тогда же в своем дневнике, что Буняковский и Миддендорф были представителями «русской и немецкой партий» в Академии. Каждая из «партий» хотела видеть на посту неперменного секретаря своего кандидата. Это вносило дополнительную остроту в проблему выбора и накаляло атмосферу.

Никитенко полагал, что «немецкая партия» победит, так как она имела больше голосов. Однако результаты голосования показали, что не все «немцы» отдали свои голоса Миддендорфу. Интересно, что Никитенко (по мнению которого именно Миддендорф должен был стать неперменным секретарем, так как владел немецким и французским языками, что важно для переписки с иностранными учеными) голосовал за Буняковского — не потому, что тот русский, а просто «за очень хорошего человека»²¹.

Как бы то ни было, Миддендорф «победил» и приступил к исполнению новых обязанностей. Он вел заседания отделений и Общего собрания, знакомил президента с деятельностью отделений, а отделения — с распоряжениями президента, отвечал на многочисленные письма, поступавшие на имя неперменного секретаря и в Академию вообще. Непременный секретарь должен был составлять отчеты о деятельности Академии наук (Миддендорф составлял отчеты за 1854–1855 и 1856 гг.) и о результатах Демидовских конкурсов, в его ведении находились все издания Академии наук (и следовало позаботиться о том, чтобы их получали академики), а также архив академической канцелярии, он должен был решать разные дела, связанные с библиотекой Академии, и следить за получением приборов для астрономической обсерватории и лабораторий. В качестве неперменного секретаря Миддендорф принимал участие и в работе двух комиссий Академии наук.

Первая комиссия была создана в 1855 г. для обсуждения вопроса об издании в Академии наук журнала на русском языке²². Проблема эта была тесно связана с противоречиями между Академией и российским обществом. Некоторые сограждане относились к Академии критически, потому что плохо знали о ее деятельности и полагали, что она изолирована от практических нужд страны; других раздражало, что в ее составе было много ученых с иностранными фамилиями. (Их всех называли немцами, даже если они родились в России и хорошо говорили по-русски.) Скептическое отношение к трудам

²⁰ Веселовский К. С. Время президентства графа Д. Н. Блудова. 1855–1864 // Русская старина. 1901. Т. 32. № 12. С. 497.

²¹ Никитенко А. В. Записки и дневники. СПб., 1893. Т. II. С. 6.

²² В комиссию вошли В. Я. Буняковский, Г. П. Гельмерсен, О. Н. Бётлинг, К. С. Веселовский и А. Ф. Миддендорф.

Академии определялось и тем, что ее издания публиковались в основном на немецком или французском языках.

Второе отделение Академии наук в 1852 г. начало издавать свои «Известия» на русском языке. В том же году историк А. А. Куник издал первый том «Ученых записок по I и III отделениям Императорской Академии наук». Издание это содержало множество до тех пор неизвестных сведений по истории Академии наук XVIII в. (включая летопись ее деятельности в этом столетии), а также отчеты о деятельности Академии в начале 50-х гг. XIX в. и протоколы заседаний Физико-математического и Исторического отделений. Несмотря на интересные материалы об истории Академии наук и о ее современной деятельности (публиковались статьи академиков), «Ученые записки» не пользовались популярностью, и тираж их быстро сократился.

В связи с этим академическая комиссия пыталась решить два вопроса: «1) какой цели должно вообще соответствовать печатание на русском языке особого от Академии издания; 2) удовлетворяют ли сей цели «Ученые записки» в том виде, как они ныне издавались»²³. После пространных рассуждений о науке как явлении международном — речь шла о том, что она «не знает географического разграничения народов» и поэтому научные труды должны печататься на иностранных языках, — члены комиссии пришли к выводу, что жалобы на то, что труды Академии мало известны в России, «имеют некоторую степень основательности»²⁴. И, следовательно, полезно иметь издание, которое позволяло бы российскому читателю лучше судить о деятельности Академии. Так как «Ученые записки», создававшиеся Куником, не вполне достигали этой цели, издание предлагалось прекратить и создать новый журнал. В этом журнале следовало публиковать протоколы заседаний, записки, которые представляли в Академию ее члены, посторонние ученые и иностранные корреспонденты, инструкции для экспедиций, извлечения из обширных трудов, известия об изменениях в составе Академии, о книгах, приносимых ей в дар, о деятельности ее музеев и приращениях их ученых коллекций. Представляя для нового журнала свои сочинения, академики должны были особо отмечать, что в этих сочинениях представляет «новое приобретение для науки». Подчеркивалось также, что публикация отчетов о заседаниях должна производиться «под непосредственным надзором неперменного секретаря и при содействии всех членов Конференции». В связи с этим следовало назначить в помощь секретарю постороннего ученого «с приличным вознаграждением»²⁵.

Комиссия полагала, что если благодаря будущему журналу «...публика более ознакомится со всею обширною и разностороннею деятельностью Академии, доверие ее к сему учреждению возрастет, труды академиков лучше будут оценены, правительственные места и частные лица, занимающиеся наукою, чаще станут обращаться в Академию за ответом и разрешением разных вопросов, и таким образом установится столь желаемая теснейшая связь

²³ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1852. Д. 10. Л. 16 об.

²⁴ Там же. Л. 18 об.

²⁵ Там же. Л. 27.

между первенствующим в Империи ученым сословием и просвещенною частью русской публики»²⁶. На издание журнала было решено предусмотреть необходимые расходы в бюджете Академии уже в 1856 г., а начать публикацию в 1857 г.

К сожалению, Миддендорф, которому (как непременно секретарю) отводилась важная роль в осуществлении задачи, ничего не сделал для создания нового журнала. «Записки Императорской Академии наук» на русском языке начали публиковаться лишь в 1862 г.

В 1855 г. президентом Академии наук стал Д. Н. Блудов, сменивший на этом посту скончавшегося в сентябре С. С. Уварова. Познакомившись с делами Академии, он обнаружил множество недостатков. Блудов считал, что одной из причин этих недостатков было несоответствие организационной структуры Академии ее уставу 1836 г. Поэтому по инициативе Блудова в марте 1856 г. в Академии наук была создана комиссия для разработки проекта нового устава. Комиссия должна была прежде всего определить права и обязанности членов второго отделения и привести их в соответствие с правами и обязанностями членов двух других отделений. Следовало также решить, что в уставе должно быть исправлено, изменено или вовсе устранено, и определить точные правила и обязанности лиц, «заведующих учеными принадлежностями Академии, Отделений и Общего собрания, а также Комитета правления»²⁷. Однако комиссия не ограничивалась обсуждением предложенного ей проекта устава. Речь шла о разных сторонах жизни Академии, например об академических квартирах, об окладах академиков и служащих Академии, о состоянии музеев и прочем.

Работа комиссии продолжалась с 5 апреля 1856 г. по 23 февраля 1857 г. Заседания проходили достаточно регулярно (даже летом) — раз в неделю по четвергам в 7 часов вечера в малой конференц-зале. Судя по собственноручным подписям, на всех заседаниях комиссии (кроме трех) присутствовал Миддендорф, который должен был принимать участие в ее работе по распоряжению Блудова.

Протоколы комиссии позволяют судить о тех вопросах, которые обсуждались на заседаниях. В них обычно отсутствовали сведения о мнениях академиков, выступавших по этим вопросам, однако сохранилась обширная записка Миддендорфа о недостатках в распределении казенных квартир. По его мнению, тех, кто такие квартиры не получал, следовало снабжать «квартирными деньгами». Миддендорф явно критически относился к тому, что казенные квартиры по собственному усмотрению назначают вице-президент и президент, и весьма выразительно закончил свою записку: «... даже более совестливые из членов Академии являлись к начальству с просьбами своими о квартирах, едва выждав последний вздох своего сотоварища, и, несмотря на то, неоднократно опаздывали, предупрежденные в своих видах просителями, основывавшимися на предсказаниях врачей, которые пользовали умирающих»²⁸.

²⁶ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1852. Д. 10. Л. 24 об.

²⁷ Там же. Оп. 1–1856. Д. 13. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 19.

Неизвестно, повлияла ли записка Миддендорфа на состояние дел с казенными квартирами. Но теперь из нее можно узнать, где жили многие академики. Сам Миддендорф имел казенную квартиру на 7-ой линии Васильевского острова в доме ²⁹, который и теперь называют академическим.

Миддендорф несомненно принимал участие и в обсуждении параграфов проекта устава, относящихся к деятельности неперменного секретаря (параграфов стало больше, а обязанности секретаря описаны более подробно, чем в уставе 1836 г.).

Комиссия закончила работу в конце февраля 1857 г., и проект устава был передан в Общее собрание для обсуждения. Академики очень ответственно отнеслись к своей задаче. Миддендорф получал множество записок с предложениями об улучшении работы музеев и лабораторий, о пополнении штата Академии специалистами в области наук, которые в ней еще не были представлены. Все эти записки (позволяющие дополнить сведения об истории отдельных учреждений Академии наук в середине XIX в.) не были использованы в проекте, но сохранились среди архивных бумаг неперменного секретаря.

30 мая 1857 г. Общее собрание Академии наук одобрило подготовленный комиссией проект устава, однако никаких конкретных действий для его принятия за этим не последовало. Проект даже не был передан министру народного просвещения. Во всяком случае, об этом нет сведений в архивном деле о деятельности комиссии.

Должность неперменного секретаря и работа в упомянутой комиссии позволили Миддендорфу глубже познакомиться с разными проблемами Академии. Результаты размышлений о причинах недостатков в ее работе нашли отражение в его отчете о деятельности Академии наук за 1856 г. Из этого отчета следовало, что, хотя Академия должна была содействовать развитию разных областей современной науки, в ее штате не было представителей целого ряда новых областей. Финансовое положение Академии не соответствовало ее научному значению — многие задачи она не могла решать из-за скудости средств. Из-за отсутствия денег музеи должным образом не пополнялись коллекциями, в лабораториях не хватало приборов. Россия была плохо изучена, так как Академия редко организовывала экспедиции.

Вместе с тем Миддендорф обращал внимание на то, что Академия наук делает для практики гораздо больше, чем принято считать в российском обществе, и даже больше того, что может быть полезно для развития самой науки. По его мнению, зоолог, занимающийся млекопитающими, не должен изучать рыб.

Не может не быть вредным, когда физиолог — основатель нового направления в науке о развитии животных — отвлекается от своих занятий с микроскопом для изучения влияния хищнического лесохозяйства на судоходство наших рек, затем переходит к составлению истории наших прежних путешествий, затем уже предпринимает всеобъемлющее

²⁹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1856. Д. 13. Л. 20.

Так теперь выглядит дом на Васильевском острове (на углу 7-ой линии и Набережной лейтенанта Шмидта), в котором жил А. Ф. Миддендорф

изучение условий рыболовства на севере и юге России и, наконец, обращается к изучению геологии ³⁰.

Таким образом, Миддендорф критиковал не только финансовое положение Академии, но, по существу, и отношение к ней правительства, так как это оно выделяло скудные средства на развитие науки. Интересно, что Миддендорф в известной мере критически отнесся и к деятельности своего учителя и друга К. Бэра — это он занимался проблемами рыболовства и влияния «хищнического истребления лесов» на судоходство рек.

Готовя отчет о деятельности Академии наук за 1856 г., Миддендорф пользовался не только сведениями о финансовом положении Академии наук, подготовленными для него статистиком П. И. Кеппеном, но, вероятно, и составленной П. Н. Фусом «Запиской о мерах к извлечению из Академии наук непосредственной пользы для государства». Эта очень интересная записка сохранилась среди дел Миддендорфа в архиве Тарту, поэтому авторы работ о Миддендорфе считают, что он сам составил эту записку в 1855 г. Между тем, судя по содержанию, записка составлена раньше. К тому же в конце записки имеется помета: «верно: непрменный секретарь П. Фус» ³¹.

Помимо своей официальной деятельности на посту неперменного секретаря, Миддендорф пытался наладить дружеские отношения между академика-

³⁰ Материалы для истории экспедиций Академии наук // Труды Архива / Сост. В. Ф. Гнучева. М.; Л., 1940. Вып. 4. С. 18.

³¹ Эстонский исторический архив в Тарту (далее — ЕАА). Ф. 1802. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

ми неформальным способом. Он организовывал у себя вечера, на которые приглашал членов всех трех отделений Академии наук. Как писал К. С. Веселовский,

Миддендорф в бытность свою неперменным секретарем составлял как бы центр, около которого охотно группировались ученые и образованные люди, будучи привлекаемы к нему его значением в науке, его умом и остроумием, его любезностью и приветливостью. Устроенные им тогда у себя еженедельно по воскресеньям журфиксы были весьма многолюдны и оживленны. Здесь всегда можно было встретиться с интересными личностями из мира ученого, медицинского, педагогического и просто с людьми просвещенными, интересующимися наукою. Кто-нибудь из гостей, а чаще всего сам хозяин, читал составленное специально для этой цели полуученое — полушутливое изложение какой-нибудь интересной темы для оживления беседы в ожидании скромного, но всегда веселого ужина, которым кончался вечер ³².

Хотя на эти «журфиксы» приглашались все академики, по воспоминаниям Веселовского, представители второго отделения вечера игнорировали. «...Имели ли они что-либо против Миддендорфа или же причиною их отсутствия было то, что фамилия хозяина кончалась на *дорф* и что он был лютеранин, не знаю», — писал Веселовский ³³. Вероятно, причиной было и то, и другое. Во всяком случае, попытка Миддендорфа рассеять неприязнь к «немцам» успеха не имела. Более того, продолжавший ходить в гости к Миддендорфу Веселовский, став неперменным секретарем, за свое хорошее отношение к «немцам» даже в известной мере пострадал.

Миддендорф пробыл на посту неперменного секретаря недолго. Согласившись занять эту должность (ему несомненно приятно было доверие коллег), Миддендорф вряд ли представлял себе, как многообразна деятельность секретаря, имевшая лишь косвенное отношение к науке. Ему приходилось получать ящики с минералами на таможне, содействовать оформлению подорожных для уезжавших в экспедиции или за границу, выяснять, можно ли печатать в немецких «Санкт-Петербургских ведомостях» (которые издавала Академия наук) депеши из других государств, составлять списки книг, с которыми следовало бы познакомить государя императора, отвечать на множество писем, поступавших в Академию не только от ученых, но и от любителей науки...

Стремясь упорядочить деятельность канцелярии неперменного секретаря, чтобы выкроить время для научной работы, Миддендорф уже в августе 1855 г. просил согласия коллег и вице-президента «назначить для взаимного свидания, переговоров и занятий в канцелярии преимущественно дневные послеобеденные часы», а для освещения канцелярии приобрел «надлежащие

³² Веселовский. Время президентства... С. 503. Веселовский ошибался — гости у Миддендорфа собирались по вторникам.

³³ Там же.

снаряды»³⁴. (В Петербурге осенью и зимой рано темнеет, поэтому освещение в помещениях нередко требуется и днем.)

Миддендорф получил разрешение перенести деятельность неперменного секретаря на вторую половину дня. Однако это было неудобно коллегам, да и самому Миддендорфу не облегчило жизни. Во всяком случае в январе 1857 г. (не прошло и двух лет со времени избрания) Миддендорф обратился в Общее собрание Академии наук с просьбой освободить его от этой должности. В записке, в которой излагалась эта просьба, Миддендорф отметил, что ему не удалось упростить дела в канцелярии, поэтому трудно было найти время для исследований: «... не находя уже времени трудиться в пользу науки, — писал Миддендорф, — даже заметно отстаю, следя за успехами моего специального предмета — зоологии»³⁵. Нужен помощник для ведения дел в канцелярии, и об этом уже шла речь при обсуждении проекта устава Академии. Но, понимая, что вопрос о принятии нового устава будет решен не скоро, Миддендорф просил освободить его от обязанностей неперменного секретаря, тем более что для подготовки к изданию 4-го тома «Путешествия на север и восток Сибири» и так потребуется еще несколько лет.

Конференция очень быстро отреагировала на просьбу Миддендорфа. Была даже создана особая комиссия, которая обсуждала вопрос, как организовать работу канцелярии, чтобы неперменный секретарь «мог при отправлении своей должности не оставлять научных занятий»³⁶. Уже в марте Д. Н. Блудов распорядился до утверждения нового устава принять в канцелярию «по вольному найму» чиновника и одного писца³⁷, что и было тогда же сделано.

Однако Миддендорф явно решил избавиться от обязанностей неперменного секретаря, тем более что обострилась одна из его болезней и он потерял голос. В начале мая 1857 г. Миддендорф писал Блудову, что у него продолжается «воспаление гортани» и врачи рекомендуют ему отправиться за границу на воды «для предотвращения опасности гортанной чахотки». Так как для лечения необходимо было уехать из России по крайней мере на четыре месяца, Миддендорф просил либо о длительном отпуске, либо об увольнении из Академии³⁸. Блудов, который высоко ценил Миддендорфа как ученого, не захотел, чтобы тот ушел из Академии. Он выхлопотал у министра народного просвещения разрешение на длительный отпуск и даже позаботился о том, чтобы Миддендорф смог уехать в Европу ближайшим пароходом³⁹.

На курорте, где лечился Миддендорф, у него, помимо воспаления гортани, обнаружили «болезненное состояние печени и сердца», и врачи, опасаясь «почти верной гибели», запретили ему переутомляться⁴⁰. Поэтому после возвращения в Петербург, в октябре 1857 г., Миддендорф вновь просил Блудова

³⁴ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1855. Д. 12. Л. 34.

³⁵ Там же. Оп. 1–1857. Д. 9. Л. 4 об.

³⁶ Там же. Л. 6.

³⁷ Там же. Л. 10–10 об.

³⁸ Там же. Л. 12 об.

³⁹ Там же. Л. 15.

⁴⁰ Там же. Л. 22–22 об.

об увольнении от должности непрямого секретаря, но просил разрешения остаться членом Академии для завершения своего труда ⁴¹.

Блудов удовлетворил просьбу Миддендорфа, и через месяц (1 ноября) непрямым секретарем был избран К. С. Веселовский, который, вполне дружелюбно относясь к Миддендорфу, очень критически оценил его деятельность в этом качестве. По словам Веселовского, Миддендорф был «наименее создан и подготовлен для такой деятельности» ⁴².

Миддендорф, конечно, не был «создан» для должности непрямого секретаря (в отличие от «созданных» для нее П. Н. Фуса или самого К. С. Веселовского, более 40 лет остававшегося на этом посту). Но все же он не так плохо справлялся с делами, как можно заключить из слов Веселовского. Отмечая, что длительное время сам замещал Миддендорфа в 1856 и 1857 гг. ⁴³, Веселовский знал, что Миддендорф не выполнял свои обязанности непрямого секретаря по уважительным причинам.

Освободившись в конце 1857 г. от административных обязанностей, Миддендорф принялся за подготовку к изданию четвертого тома с описанием своего путешествия. Если раньше он основное внимание уделял зоологии, то теперь ему пришлось заняться изучением также проблем геологии и орографии, картографии и климатологии, ботаники и этнографии. Для того чтобы систематизировать собранный во время экспедиции материал, необходимо было изучить огромное количество литературных источников — как о предшествующих исследованиях Сибири, так и опубликованных после окончания его экспедиции.

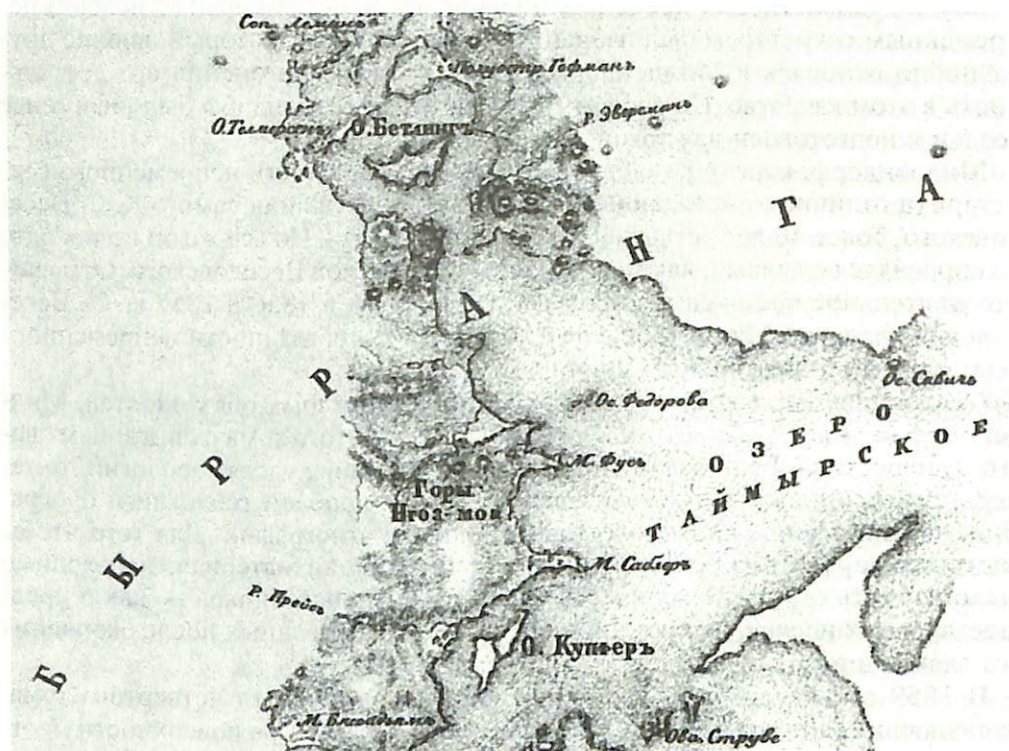
В 1859 г. был издан на немецком языке первый отдел четвертого тома, включавший описание маршрутов экспедиции и характера поверхности местностей, в которых велись наблюдения, историю изображения этих местностей на картах, а также сведения о картах, составленных на основе съемок в Сибири. В 1859 г. был опубликован и атлас к труду — «Karten Atlas zu Middendorff's Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während 1843 und 1844».

В конце того же года из-за болезней (и, вероятно, не очень благоприятной обстановки в Академии наук) Миддендорф решил расстаться с Академией. В записках в Физико-математическое отделение и к президенту он писал, что из-за расстроенного здоровья должен надолго уехать из Петербурга и в связи с этим готов подать в отставку. Однако Блудов нашел, что проблему можно решить иным путем. Он обратился к министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому с просьбой о получении высочайшего разрешения на то, чтобы Миддендорф мог жить вне Петербурга (академическим уставом это не позволялось). «Ученые заслуги и польза, принесенная им Академии, при коей он состоит более 15 лет весьма деятельным членом, — писал Блудов, — содействуют такое к нему снисхождение весьма справедливым, тем более, что началом болезненного расстройства, коим он страдает, он обязан своему си-

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1857. Д. 9. Л. 20–21.

⁴² Веселовский. Время президентства... С. 497, 502.

⁴³ Там же. С. 503.

Фрагмент карты Таймырского полуострова, составленной на основе съемок во время Сибирской экспедиции. На карте показаны открытые А. Ф. Миддендорфом острова, реки и полуострова, которым он дал имена выпускников Дерптского университета

бирскому путешествию, во время которого он подвергся сильной простуде и едва не лишился жизни...»⁴⁴. Блулов обращал также внимание министра на то, что Миддендорф должен обрабатывать материалы Сибирской экспедиции для завершения ее описания, а это не требует «постоянного пребывания в месте службы».

В конце марта 1860 г. Миддендорф получил от Александра II разрешение из-за расстроенного здоровья жить вне Петербурга, оставаясь членом Академии наук, и уехал в свое имение Гелленорм, находившееся в Лифляндской губернии. Там он продолжал готовить к изданию следующие разделы своего труда, посвященные геологии и рельефу, климату и растительности. В связи с этим он неоднократно бывал в Петербурге, принимая участие и в разных делах Физико-математического отделения Академии.

В феврале 1864 г. умер Д. Н. Блулов. Президентом Академии наук был назначен вице-председатель Русского географического общества Ф. П. Литке.

⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1857. Д. 9. Л. 28 об.-29.

В должности президента он впервые был представлен Общему собранию Академии 6 марта. А вскоре Литке получил письмо Миддендорфа, в котором тот просил об отставке.

Литке был знаком с Миддендорфом со времени его возвращения из экспедиции. Между ними были дружеские отношения, о чем свидетельствует, например, сохранившаяся среди бумаг Миддендорфа записка Литке, приглашавшая его «пожаловать откусать ... в бесцеремонном кругу приятелей»⁴⁵. О дружеском отношении Литке к Миддендорфу свидетельствует и его ответ (написанный 6 апреля) на упомянутое письмо Миддендорфа:

Президент Академии имел удовольствие получить приятное письмо Ваше от 10-го м[арта]. Но, будучи очень занят и зная старинные дружеские отношения наши, президент поручил мне отвечать вместо него и выразить, как приятно ему было найти в этом письме знак той же благосклонной приязни, которую Вы ему всегда и прежде оказывали. Удаление Ваше из Петербурга считает он [президент. — Н. С.] потерей и для Академии, и для науки... Но в уверенности, что каждый шаг Ваш основан на глубоко обдуманых мотивах, ему остается только сожалеть об этом, в полной, впрочем, надежде, что собратия Ваши по Академии не лишатся через то содействия и сотрудничества Вашего на общем поле науки⁴⁶.

Письмо это на первый взгляд выглядит весьма странно — Литке говорит от имени президента, хотя сам в это время и был президентом. Литке избрал такую форму письма, вероятно, потому, что, оказавшись в должности «начальника» Миддендорфа, не хотел, чтобы тот почувствовал дистанцию между ними. Письмо имеет две части, причем обе («от имени президента» и «от себя») выразительно характеризуют не только адресата, но и автора письма: «Исполнив поручение Президента, скажу и от себя, почтеннейший Александр Федорович, что отсутствие Вас из П-бурга есть большое лишение для всех друзей Ваших и в особенности для меня, находившего так много наслаждения в поучительной Вашей беседе. Интересные вторичные Ваши кружки оставили незаменяемый доселе пробел, по крайней мере для меня. Собираются и у меня... Но все не то»⁴⁷. (Речь об упоминавшихся выше вечерах Миддендорфа, которые Веселовский называл журфиксами.)

Неизвестно, как Миддендорф отреагировал на письмо Литке. Но только 9 декабря 1864 г. министр народного просвещения А. В. Головин сообщил Литке, что Миддендорф просил при расчете пенсии зачесть ему в срок службы его работу в университете, а также в качестве прибавки к пенсии сохранить 400 руб., которые по высочайшему повелению в 1845 г. были прибавлены к его окладу.

⁴⁵ ЕАА. Ф. 1802. Оп. 1. Д. 8. Л. 92.

⁴⁶ Там же. Л. 102.

⁴⁷ Там же. Л. 102 об–103.

Поддерживая просьбу Миддендорфа об отставке, Литке нашел нужным особо подчеркнуть:

Что же касается до просьбы г. Миддендорфа об обращении ему в прибавок к пенсии пожизненно получаемого ныне оклада в 400 руб. в год за Сибирскую экспедицию, то в уважение оказанных г. Миддендорфом в этом путешествии важных услуг науке и познанию столь важной страны, как присоединенный вскоре затем к Российской империи Амурский край, а также принимая во внимание трудности и даже опасности, с которыми было сопряжено это путешествие, я полагаю, что эта просьба могла бы быть повергнута на Всемиловейшее воззрение Государя Императора ⁴⁸.

Переписка по этому поводу продолжалась еще и в 1865 г. И лишь 16 марта Литке сообщил Миддендорфу, что государь император «высочайше соизволил на увольнение» с полной академической пенсией в 1429 рублей 60 копеек, соответствовавшей окладу, и что пенсия будет производиться с 8 марта (даты высочайшего соизволения). Но Александр II не считал нужным сохранить надбавку, вероятно, по формальным причинам — она была дана лишь на время службы в Академии. Заслуги Миддендорфа в деле решения Амурской проблемы императору (как и большинству современников Миддендорфа) не казались существенными.

5 ноября 1865 г. Миддендорф был избран почетным членом Академии наук «с правом присутствия на всех заседаниях Конференции наравне с действительными членами Академии» ⁴⁹. Этим правом Миддендорф, кажется, не пользовался, однако в той или иной форме общался с Академией постоянно почти до конца своей жизни.

Благодарю Эрки Таммиксаара — директора музея Карла Бэра в Тарту за помощь в сборе материала, особенно за письма Ф. П. Литке, адресованные А. Ф. Миддендорфу, которые Таммиксаар обнаружил в Эстонском историческом архиве. Благодарю также Анастасию Федотову за помощь в подготовке рукописи к изданию и Юлию Вржижевскую — за фотографию дома, где жили академики.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 39-а. Л.л. 4-4 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 78. Л. 216.

300 лет Санкт-Петербургу: наука и ученые

Л. Д. БУРИМ, Г. А. ЕФИМОВА

А. Я.ВИЛЬСОН И А. Н. ФАРФУРИН — ВЫДАЮЩИЕСЯ ИНЖЕНЕРЫ ИЖОРСКИХ ЗАВОДОВ (по материалам экспозиции Музея истории ОАО «Ижорские заводы»)

Открытое акционерное общество «Ижорские заводы» (ИЗ), крупнейшее предприятие города Колпино, имеет славную трехвековую историю. Начало заводам положила пильная мельница князя А. Меншикова, построенная в верховьях реки Ижоры. В 1712 г. она перешла в ведение Адмиралтейства. По указу Петра I от 22 мая 1719 г. производства перенесли ниже по течению Ижоры. Время закладки новой лесопилы — 1722 г. — считается датой основания ОАО «Ижорские заводы». К концу XVIII в. рядом с пильными построили плющильный, молотовый, медный и якорный заводы. 1 октября 1803 г. император Александр I подписал план переустройства Ижорских заводов. Реконструированное предприятие поставляло флоту паровые машины и механизмы, якоря, якорные цепи, пушки, железные и медные котлы, корабельные фонари, помпы и другую продукцию. В 1816 г. построен один из первых русских колесных пароходов «Скорый». С 1818 по 1858 гг. в составе заводов работала мастерская навигационных приборов и инструментов.

В 1866 г. на ИЗ впервые в России получена броневая плита методом проката. Затем до 1917 г. основной продукцией стала броня и судостроительная сталь, поставлявшаяся на десятки кораблей русского флота, от фрегатов до линкоров. На заводских эллингах строили баржи, баркасы, миноносцы, миноносцы, первые отечественные тральщики. В 1908 г. за заслуги перед флотом Ижорский завод (с 1908 по 1992 гг. предприятие называлось в единственном числе) получил право иметь свой флаг. В годы Первой мировой войны были освоены выпуск снарядов, гильз, минометов, дирижаблей, бронирование автомобилей, танков. Первые советские пятилетки принесли заводу широкий спектр заказов металлургической и машиностроительной продукции: валки холодного проката, буксиры, катера, буровое оборудование, тубинги для метрополитена, танковую броню. В 1931 г. завод выпустил первый отечественный блюминг.

В годы блокады Ленинграда предприятие оказалось в 2–3 км от фронта. Рабочие организовали несколько истребительных батальонов и отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, защищавших Колпино. Заводское оборудование было эвакуировано на Урал, в Сибирь, перенесено на освободившиеся площадки ленинградских предприятий. В осажденном городе ижорцы ремонтировали боевую технику, изготавливали реактивные снаряды «М-13», ходовые рубки, артиллерийские башни для минных тральщиков, шхерных мониторов, строили бронепоезда, доты и дзоты.

Послевоенная продукция предприятия — сельскохозяйственная техника, новые марки стали, крыльчатые движители для речных и морских судов,